

В. Корсак

У белых

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Корсак**
У белых / В. Корсак – М.: Книга по Требованию, 2021. – 169 с.

ISBN 978-5-519-19691-8

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1931 года.

ISBN 978-5-519-19691-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ные въ формахъ и съ орденами, чиновники — съ петлицами и значками.

Всѣ улыбались, всѣ были довольны и радовались освобожденію отъ большевиковъ.

Изъ-за угла навстрѣчу выѣхали неожиданно три донскихъ казака и полковникъ. Это были уже добровольцы. Толпа, увидѣвъ ихъ, стала кричать «ура» и бросала имъ цвѣты.

Когда я вернулся, мой хозяинъ былъ уже дома. Онъ сидѣлъ въ кухнѣ на поставленномъ торчмя полѣнѣ и рассказывалъ своей младшей сестрѣ о томъ, что мы видѣли съ нимъ въ городѣ. Она готовила обѣдъ и слушала брата съ большимъ вниманіемъ. Она была тоже рада, иногда переспрашивала, улыбалась и весело возилась со своей стряпней. Ихъ родственникъ, студентъ, съ сундука прислушивался къ разговору. Старуха-мать колола щепки для самовара.

Я подсѣлъ къ этой мирной компаніи.

— Наконецъ-то большевики ушли, — сказала молодая хозяйка, — тамъ пусть будетъ, что будетъ, хуже ужъ не можетъ быть, чѣмъ при нихъ... А какъ вы спали? — обратилась она ко мнѣ.

— Немного, но крѣпко. Все-таки побаивался, какъ бы шальной снарядъ не залетѣлъ.

— Я этого не боялась. Думала, какъ бы только съ вами, мужчинами, чего не случилось.

Я вспомнилъ послѣдній приказъ большевиковъ — явиться въ милицію всѣмъ мужчинамъ со смѣной бѣлья и хлѣбомъ.

Къ обѣду пришла старшая сестра хозяина Анна Егоровна. Она успѣла побывать во всемъ почти городѣ и рассказала, что видѣла много войскъ — и петлюровскихъ, и деникинскихъ — и что на какой-то улицѣ толпа нашла большевика.

— Секретаремъ, что-ли, въ чекѣ служилъ. Какой-то чиновникъ его узналъ, они тамъ отца и брата его замучили; отпираться не сталъ. «Голубчики, пощадите», — началъ кричать, — «не буду большевикамъ служить, буду вамъ служить»... На колѣни сталъ, прощенія просилъ, каялся, самъ блѣдный преблѣдный. Но толпа его, кто чѣмъ — и ногой, и камнемъ, и палкой... Подъѣхалъ казакъ, шашкой ужъ добилъ его, — закончила Анна Егоровна.

Кромѣ того, она сообщила, что между петлюровцами и деникинцами, какъ говорили въ толпѣ, появились уже нелады. Такимъ образомъ, надежда на союзъ между Деникинымъ и Петлюрой оказывалась напрасной. Безъ этого-же союза побѣда надъ большевиками не могла быть прочной. Вотъ почему, всѣхъ очень интересовало, какую форму примутъ отношенія между добровольцами и петлюровцами. Первые шли подъ лозунгомъ: «Единая и недѣлимая Россія», вторые — признавали только самостоятельную Украину. Ближайшее будущее должно было показать, что можетъ произойти при встрѣчѣ этихъ двухъ устремлений.

Послѣ обѣда я еще пошелъ пройтись по Киеву. День былъ прекрасный. Самостійники щеголяли въ своихъ цвѣтныхъ костюмахъ, русскіе, — въ формахъ, военныхъ и невоенныхъ. Оба теченія не смѣшивались. Особаго дружелюбія не замѣчалось, но и вражды тоже не было. Я прошелъ на Владимирскую горку и залюбовался открывавшейся оттуда картиной. Масса зелени, просторъ, далекіи лѣсы... Надъ темной извилиной Днѣпра, вдали за городомъ, высоко плавала желтая, большевицкая колбаса. Оттуда, вѣроятно, наблюдали, что дѣлается въ Киевѣ. На скамейку, гдѣ сидѣлъ я, подсѣлъ пожилой человекъ въ инженерной формѣ. Вдругъ совсѣмъ близко отъ насъ затрещалъ браунингъ; двѣ-три пули съ визгомъ пронесли около моего лица. Я оглянулся на со-

сѣда; онъ уже убѣжалъ. Трудно было понять, откуда стрѣляли, домовъ по близости не было; стрѣлокъ долженъ былъ скрываться или за ближайшимъ заборомъ, или за кустами. Въ кустахъ, однако, я никого уже не нашелъ.

Это были первые таинственные выстрѣлы, которые мнѣ пришлось слышать, и которыхъ такъ много было потомъ въ Кіевѣ. Глухая молва приписывала ихъ оставшимся большевикамъ и евреямъ.

Съ мыслями о будущемъ я вернулся домой. Наша колонія, за исключеніемъ Анны Егоровны и студента, сидѣла и пила чай. Я присѣлъ за столъ; пошли разговоры о томъ, что насъ ждетъ. Въ сумеркахъ уже пришла Анна Егоровна со студентомъ.

— Передъ городской думой собралась толпа; говорили, что между деникинцами и петлюровцами что-то произошло изъ-за флаговъ. Но, должно-быть, теперь все уладилось — сама видѣла на балконѣ два флага — русскій и украинскій, — сообщила Анна Егоровна.

Не успѣла она кончить, какъ вдругъ раздалась пушечная канонада. Стрѣляли гдѣ-то вблизи, съ правильными промежутками. Продолжалась стрѣльба минутъ 10-15. Студентъ выскочилъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что петлюровская артиллерія замѣтила большевицкій отрядъ, тысячи въ полторы, подходившій къ Кіеву, и обстрѣляла его.

Разошлись спать рано, вчерашняя безпокойная ночь утомила всѣхъ. Засыпаль я съ радостнымъ чувствомъ: нечего больше бояться обысковъ, арестовъ, разстрѣловъ... А въ душѣ бродило большое благодарное чувство къ тѣмъ, кто избавилъ насъ отъ кошмарныхъ переживаній.

Ночью я нѣсколько разъ просыпался отъ какого-то шума: словно внизъ по улицѣ спускался безконечный

обозь. Въ полусонномъ сознаниі мелькала мысль, что это прибываютъ въ Кіевъ подкрѣпленія, что большевиковъ уже нѣтъ, и имъ пришелъ конецъ.

На слѣдующее утро въ кіоскахъ появился уже «Кіевлянинъ». Его можно было достать только послѣ долгаго стоянія въ очереди.

Въ первомъ номерѣ, въ небольшой передовой статьѣ, авторъ сообщалъ, что было предсказаніе о томъ, какъ послѣ десяти не настоящихъ властей придетъ одиннадцатая — настоящая, долговѣчная. Придетъ и осядетъ въ праматери русскихъ городовъ. Этой одиннадцатой властью, по словамъ автора, и была добровольческая.

Этой же ночью, какъ сообщалъ «Кіевлянинъ», произошелъ полный разрывъ между петлюровцами и денкинцами: петлюровский флагъ былъ не то снятъ съ Думы, не то даже сорванъ, а петлюровскимъ войскамъ было предъявлено требованіе — выйти изъ города. Петлюровцы подчинились и вышли; но на прощаніе они произвели ночью, въ темнотѣ, одинъ или два выстрѣла по Городской Думѣ и такъ мѣтко, что одинъ снарядъ попалъ въ карнизъ зданія и сдѣлалъ большую брешь.

Какъ-бы тамъ ни было, добровольцы остались господами положенія, и вскорѣ въ Кіевъ прибылъ штабъ ген. Бредова.

Новая власть выпустила цѣлый рядъ приказовъ. Первый говорилъ объ «отмѣнѣ всѣхъ большевицкихъ распоряженій и о возстановленіи прежнихъ владѣльцевъ въ ихъ правахъ»... Возстановливался также прежній судебный и административный аппаратъ.

Затѣмъ была объявлена регистрація офицерскихъ чиновъ.

Регистрація происходила во дворѣ комендантскаго управленія. Когда я пришелъ туда, тамъ была уже масса военныхъ — полковники, капитаны, поручики, прапорщики; было нѣсколько генераловъ. Одни ходили уже

въ формѣ, другіе, меньшинство, — въ штатскомъ. Знакомились, дѣлились впечатлѣніями.

Въ надеждѣ на уходъ большевиковъ, офицерство бѣжало въ Кіевъ изъ Москвы, изъ Петрограда, изъ Могилева, изъ Чернигова, изъ Казани. Ожидая прихода добровольцевъ, люди прятались въ лѣсахъ, въ погребкахъ, на чердакахъ, въ стогахъ сѣна; одинъ прапорщикъ около сутокъ провелъ въ канализаціонной трубѣ; какой-то капитанъ прожилъ около недѣли въ купальняхъ; шесть человекъ пріѣхали въ лодкѣ и скрывались въ камышахъ.

Записывали офицеровъ въ алфавитномъ порядкѣ. До меня очередь въ этотъ день не дошла; около четырехъ часовъ всѣ разошлись. Я пришелъ домой, поѣлъ, а подъ вечеръ мы съ хозяиномъ пошли прогуляться. Странно было: никто ничего не боялся, люди не хватились за карманы — провѣрить, есть-ли съ собой документы, исчезли бритвы хари съ безпокойными рыщущими глазами. Въ сумеркахъ раздавался смѣхъ, громко говорили, и только отвратительный, сладковато-тошнотворный запахъ изъ Анатомическаго театра говорилъ объ убійствахъ, которыя совершались еще такъ недавно въ большевицкихъ застѣнкахъ, и вопіялъ противъ пощады тѣмъ, кто упивался предсмертными муками и кровью своихъ, ни въ чемъ не повинныхъ, жертвъ.

На другой день мнѣ удалось, наконецъ, несмотря на еще большую толпу, получить регистраціонную карточку. На ней стояло мое имя, фамилія, годъ рожденія, чинъ и полкъ, гдѣ я служилъ во время германской войны. Съ этой карточкой мнѣ надо было явиться въ Реабилитаціонную Комиссію и представить, кромѣ того, свое *curriculum vitae* отъ начала германской войны до настоящаго момента. Для тѣхъ, которые у большевиковъ не служили и имѣли какіе-нибудь старые документы, удостовѣрившіе ихъ личность, дѣло конча-

лось въ Реабилитационной Комиссии: они могли поступать въ Добровольческую армию немедленно.

Въ противномъ же случаѣ, дѣло выходило сложнѣе; разъ въ *curriculum vitae* офицеръ писалъ, что онъ служилъ у большевиковъ, Реабилитационная Комиссія отсылала его дѣло въ контръ-развѣдку. Изъ контръ-развѣдки товарищъ прокурора отсылалъ дѣло со своимъ заключеніемъ въ четвертое учрежденіе — Военную судебную-слѣдственную Комиссію. Эта комиссія разсматривала дѣло окончательно и препровождала его на заключеніе къ коменданту города. При чемъ, если кто не имѣлъ стараго послужного списка или другихъ не менѣе солидныхъ документовъ, онъ долженъ былъ доказывать свою личность при помощи управляющаго домомъ и двухъ благонадежныхъ свидѣтелей.

Вотъ, что надо было пройти. У меня, какъ и у большинства офицеровъ, никакихъ документовъ, кромѣ совѣтскихъ, не было.

И вечеромъ, сидя надъ своей біографіей, я задумался — писать или не писать о службѣ у большевиковъ?

Написать — значитъ быть канцелярской волокитѣ. Я подумалъ, поколебался и написалъ. Можетъ быть, чтобы не краснѣть потомъ и не быть уличеннымъ во лжи.

Съ превеликимъ трудомъ кончилъ я свое *curriculum vitae*.

Лучше было бы, если бы можно было совсѣмъ не писать, служилъ челоуѣкъ или нѣтъ — совѣтской власти. Разъ люди пришли добровольно, рискуя не только собой, но и своими родными — какіе вопросы могли быть еще.

Такъ думалъ я, глядя на свою біографію.

Пришла Ольга Егоровна, утѣшила меня и сказала, что ходятъ слухи о томъ, что совѣтскія деньги будутъ аннулированы; приниматься же будутъ только царскія, керенки и добровольческія.

— Если братъ не найдетъ мѣста, придется продавать платье; не хотѣлось бы, на зиму глядя... — сказала она.

Утромъ я направился въ Реабилитационную комиссію. Помѣщалась она далеко, въ Липкахъ.

Я шелъ тихо, читая на стѣнахъ объявленія и воззванія. Формировавшіяся части приглашали своихъ прежнихъ сослуживцевъ; разные союзы и блоки расклеивали свои программы и призывы; партизанскіе отряды принимали добровольцами всѣхъ желавшихъ; воскресали старые полки и звали своихъ однополчанъ. Новыя техническія части искали специалистовъ. Были расклеены выдержки изъ бурцевскихъ статей противъ большевиковъ.

Медленно подвигаясь, я нашелъ наконецъ нужную улицу. Около одного дома я увидѣлъ кучку офицеровъ — тутъ и помѣщалась Реабилитационная Комиссія.

Я вошелъ во дворъ. Дворъ былъ большой, неровный, вымощенный круглымъ булыжникомъ, пыльный; въ концѣ его находился садикъ съ небольшой бесѣдкой, покрытой дикимъ, уже покраснѣвшимъ виноградомъ. Приземистый клень покрывалъ своею тѣнью бесѣдку и половину садика. Во дворѣ толпилось около ста офицеровъ. Тутъ можно было видѣть всѣ возрасты, чины и ордена. Было жарко, и всѣ невольно искали тѣни. Особенно много было народа на террасѣ низкаго, но просторнаго дома. Я направился туда. Какой-то офицеръ въ пенснэ, тонкій, худой, веснушчатый, составлялъ списокъ.

Я записался. Мой номеръ былъ не то 60-й, не то 70-й.

На всякій случай я сталъ поближе. Очередь очередью, но чтобы ее кто-нибудь не захватилъ, я протискался къ двери, на которой висѣлъ списокъ, и заглянулъ въ окно. Первая комната была очевидно столовой; тамъ было пусто; стоялъ только темный дубовый бу-

феть. Изъ столовой въ другія комнаты вели три двери: направо и налѣво — небольшія, филечатыя; напротивъ — большая, рѣзная, орѣховая. Иногда она открывалась; показывался пожилой человекъ во всемъ англійскомъ; на узенькихъ погонахъ сѣраго френча было нашито по двѣ полоски. Этотъ полковникъ и былъ председателемъ Реабилитационной комиссіи; какъ говорили на террасѣ, у него еще было два или три помощника.

Комиссія засѣдала гдѣ-то въ глубинѣ дома. Допросъ продолжался минутъ 10-15. Во дворѣ, на «очищенныхъ отъ большевизма» набрасывались съ вопросами: какъ и что? Но тѣ только махали руками и поскорѣ уходили. Всѣ томилась. Я стоялъ, смотрѣлъ и испытывалъ какое-то неловкое, непріятное чувство. Среди этой толпы, большая часть которой была уже въ формѣ, я, — безъ погонъ и даже безъ офицерской кокарды, чувствовалъ себя одинокимъ. Но надѣвать форму, пока не будетъ все кончено, я не хотѣлъ. И, притомъ, былъ еще вопросъ: нужна-ли форма вообще, и если нужна, то зачѣмъ и какая.

Большевики и петлюровцы формы не имѣли; отсутствіе ея дѣйствовало на населеніе успокоительно, какъ намекъ на дѣйствительное равенство людей. И еще задолго до прихода добровольцевъ спорили, носятъ-ли деникинцы погоны, или нѣтъ; ношеніе погоновъ многимъ казалось неосторожнымъ по отношенію къ населенію.

— Зачѣмъ эта реабилитация? — спрашивалъ кто-то капитанъ съ густыми, рыжими усами и съ инженерскимъ значкомъ, — только проволочка времени. Зарегистрировалось больше 10.000 офицеровъ. Если на cadaго изъ нихъ Комиссія потратитъ 5 минутъ только, то это займетъ больше мѣсяца.

— Не одинъ вѣдь человекъ въ комиссіи, — замѣтилъ бородатый полковникъ.

— И комиссія не работаетъ круглые сутки, — отвѣтилъ инженеръ.

— Кто эти комисіи придумаль? — спросилъ тонкій, блѣдный прапорщикъ, — говорятъ, раньше ихъ не было.

— Это послѣ взятія Харькова пошло. Тогда добровольцы всѣхъ желавшихъ попринимали къ себѣ. А потомъ, во время боевъ, нѣкоторые изъ этихъ принятыхъ большевиками оказались и много вреда причинили. Теперь вотъ и боятся этого.

Всѣ замолчали.

Въ этотъ день я прождалъ во дворѣ съ 9 часовъ до трехъ; за это время комиссія отпустила около 40 человекъ. Въ три часа предсѣдатель заявилъ, что занятія кончены. Всѣ пошли по домамъ. Было пыльно, жарко. Я спустился къ Днѣпру, искупался и потихоньку пошелъ домой. Пройти пришлось мимо контръ-развѣдки. Она занимала большую гостиницу на Фундуклеевской, недалеко отъ театра. У входа стоялъ солдатикъ съ винтовкой и тихо что то напѣвалъ. Гимнастерка на немъ была рваная, сапоги дырявые. Около подъѣзда прохаживался ротмистръ въ серебряныхъ аксельбантахъ и съ хлыстикомъ въ рукѣ.

Изъ-за угла вдругъ вывернулась шумѣвшая и бѣсновавшаяся толпа. Она тѣсно окружала четырехъ конвойныхъ и молодую полноватую женщину въ красномъ платьѣ. Били ее палками, камнями, кулаками. Отъ ударовъ голова съ короткими стриженными волосами металась во всѣ стороны.

— Кто это такая? — спросилъ я у господина, стоявшаго на краю тротуара.

— Говорятъ, что это знаменитая Роза, которая служила въ Чекѣ и собственноручно казнила приговоренныхъ къ смерти.

Толстенькій человекъ въ сѣромъ костюмѣ подошелъ къ намъ и сталъ прислушиваться.

— А я думаю, что это ошибка. Наверно Роза ушла вмѣстѣ съ Чекой, — сказалъ онъ.

— Какъ сказать? — отвѣтилъ первый, — уже поймали нѣсколькихъ подлинныхъ чекистовъ; они и сами не скрывали, что работали въ Чрезвычайкѣ; а остались они тутъ, чтобы шпионить и разстрѣливать добровольцевъ изъ-за угла.

Я пошелъ дальше.

Около Большого театра стояла толпа. Чего-то ждали. Остановился и я. Черезъ минуту съ боковой улицы вышли два конвойныхъ; они вели двухъ молодыхъ людей въ котелкахъ, хорошо одѣтыхъ, съ высокими крахмальными воротничками. Съ противоположнаго тротуара неожиданно сорвался пожилой мужчина и сталъ бить палкой по головѣ одного изъ арестованныхъ. Должно быть, бившій былъ правъ, такъ какъ тотъ, кого били, втянулъ только голову въ плечи и не сдѣлалъ ни одного движенія уклониться отъ ударовъ. Страшно было смотрѣть и на избиваемаго, и на лицо бившаго: — вся жизнь послѣдняго была сведена къ чернымъ безумнымъ зрачкамъ. Онъ наносилъ удары, визжалъ, кричалъ что-то о братѣ, о чрезвычайкѣ и былъ въ томъ состояніи, когда люди не чувствуютъ смертельной раны.

На другой день я пришелъ въ Комиссію по-раньше. Но народу, тѣмъ не менѣе, было уже много. На дверяхъ, рядомъ со вчерашнимъ спискомъ, гдѣ была и моя фамилія, висѣлъ новый. Спорить и отстаивать прежній списокъ было бы напрасно. Подумавъ, я вписалъ свою фамилію и во вновь-появившійся. Часамъ къ десяти во дворѣ уже маялось около трехсотъ человекъ. На очередь не обращали вниманія. Каждый хотѣлъ попасть впередъ, и на террасѣ, передъ дверью была страшная давка. Я со